

Вильям
Богуславский

Тетрадь из прикроватной тумбочки
больницы «Асута»

ЗАПИСКИ ИМПОТЕНТА

Вильям Григорьевич Богуславский Тетрадь из прикроватной тумбочки больницы «Асута» (Записки импотента) и другие повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63720866

*Тетрадь из прикроватной тумбочки больницы «Асута» (Записки импотента) и другие повести:
ISBN 978-5-907291-33-1*

Аннотация

Не советуем вам открывать эту книгу утром перед выходом на работу, можете существенно опоздать. Мягкая ирония наряду с комическими ситуациями настолько гармонично вплетены в сюжет и становится органичной его частью. Периодически возвращаясь к прозе Богуславского, каждый раз находишь для себя какой-то насущный, волнующий вопрос и незамедлительно получаешь на него ответ. Невольно проживаешь книгу – то исчезаешь полностью в ней, то снова появляешься, находя параллели со своей судьбой, и неожиданно для себя растешь душой. Проза Вильяма Богуславского читается легко, она кинематографична, автор редко прибегает к пересказу событий, он не рассказывает, а показывает своих персонажей в действии.

Повесть «Золотое ведро» написана в жанре детектива, но это только форма, а в подтексте затрагиваются многие серьёзные проблемы: честь и бесчестье, цена ошибки, добро и зло. Каждая сцена несет определенную нагрузку и дает возможность читателю размышлять над многими философскими проблемами. Не случайно понятию свободы выбора автор уделяет особое внимание и старается приблизить это понятие к повседневной жизни. Вся книга наполнена добрым чувством уважения и любви к человеку.

Содержание

Тетрадь из прикроватной тумбочки больницы «Асута»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вильям Богуславский
Тетрадь из прикроватной
тумбочки больницы
«Асута» (Записки
импотента) и
другие повести

© Вильям Богуславский, 2020

Тетрадь из прикроватной тумбочки больницы «Асута» (записки импотента)

*Город Крайск. Первая городская больница. 11 августа
1997*

Я стоял перед ним в приспущенных штанах, а он снял резиновые перчатки.

– Твои анализы я перепроверю, оставлю тебя на недельку у нас – может, что-то большее прояснится.

Он перешел на другую сторону стола, сел и (как мне показалось), посмотрел на меня с некоей усмешкой, мелькнувшей на гладко выбритом лице.

– Передай маме, чтобы она не беспокоила моих друзей. Ты совершенно здоров. Тебе посоветую завести тетрадь и записывать все, что покажется интересным. Лучшая медитация!

Некоторое время помедлив, он смотрел на меня.

– Студент? – сказал он. – Тем более политехнический институт!

– Третий курс, – сказал я.

– Палата, в которой ты будешь, – с тяжелыми больными. Готовится к операции Степан Евдокимович Ходоров, дело не в том, что он известный человек, изобретатель. Он свое положение понимает. Выговориться – для него облегчение.

Да и для тебя должно быть любопытно. Не всегда это бред.

Он нажал какую-то кнопку, и в двери появилась медсестра – высокая девушка с кокошником на голове, из-под которого выглядывали свёрнутые в клубок светлые волосы.

– Отведешь больного в экспериментальную палату, ознакомишь с порядками.

Так я оказался на приеме у главврача первой городской больницы Крайска, уролога, кандидата медицинских наук Виктора Петровича Беспалько, которому моя мама, тоже врач, но педиатр, через знакомых меня показала.

Медсестра, сопровождавшая меня, толкала перед собой тележку с аккуратными ящичками.

– Зовут Светланой, – живо говорила она, – можно Света, а Светик – это не для тебя. А то сестричка, сестричка! Что-то экспериментальную загружают... Вчера на катафалке больного хлопца положили. Плачет бедный. А познакомишься со Степаном Евдокимовичем, Ходоровым, есть такой, – поумнеешь!

Я в синем с белыми пятнами от дезинфекции халате, зажимая полы, поспешал за ней.

– Больница наша считается инфекционной, – продолжала она, – посторонним вход запрещен. Общаются вон, через ограду. А наш корпус особенный – только четыре койки. Виктор Петрович помещает экспериментальных, он сейчас работает над докторской диссертацией, и я туда теперь по графику бегаю. Вот, все со мной. А тебя почему кладут?

– Ты, как я вижу, шустрая, узнаешь?

– У Виктора Петровича тайна Гиппократы. Захочет – скажет, а так ни – ни! Его жена в нашей больнице тоже работает, так я их никогда вместе не видала! Вот вход!

Я разглядывал, все-таки бывшая крепость. Может, это когда-то был боевой бастион, он отстоял отдельно от других корпусов. Возможно, какой-то штаб, но было пристроено крыльцо, и в палату вела одна дверь!

Только вошли, с койки напротив под окном приподнялся человек в наброшенном на плечи халате, худой с изможденным, злобно морщинившимся лицом и – выкрикнул:

– Сестра, двадцать пять минут! Я буду жаловаться Виктору Петровичу!

– Степан Евдокимович! Где ваша задница! – Светлана из своей тележки не торопясь достала шприц, по оголенному месту сделала неожиданный шлепок.

Позже я узнал, что если зажать между пальцами шприц, это уже особо профессиональный шик, шлепок с уколом – безболезненный!

– Спасибо!! Но придерживайся графика! Виктору Петровичу напомни, чтобы увеличил дозу!

Светлана показала мне койку.

– Твое место, – негромко сказала она, – еще слушаешься!

Палата показалась большой, почти квадратной с низким

потолком, три вытянутые окна и четыре койки. Одна, ближе к входу, пустая.

...Уже к вечеру меня позвали к оgrade. Понятно. Появилась моя мама, прильнула к решетке и озабоченно смотрела.

– Ну как, Изенька? Я уже поговорила с Беспалько, и он мне сказал...

То раздражение, которое у меня копилось целый день, прорвалось.

– Что ты лезешь? Мало того, что ты упекла меня в эту клетку, ты еще и тут продолжаешь дальше совать свой нос. Я сам все знаю! И не появляйся тут, и без тебя тошно! Принеси общую тетрадь и ручку!

Так я оказался с тетрадью, и на первой странице пишу:

«Проба, проба, проба. Крепость. Воздвигнута в далеком прошлом, охранять Украину от набегов татар и турок. В наше время на ее территории больница во главе с главврачом Виктором Петровичем Беспалько.

Слева от меня оторвался от подушки и повернул ко мне круглое лицо молодой парень. Видно, положенный вчера. Дальше под окном явно старый человек, седой, небритый, покосился и отвернулся. И совсем напротив под вторым окном, – тот, который нас встретил. О нем, значит, говорил Виктор Петрович!

Вот так сразу представилась мне компания, в которой я оказался. И вскоре я уже знал, с чем каждый здесь лежит. О себе я почти ничего не говорил, да и не очень интересова-

лись, каждый был занят собой.

Убедился, эти записи даже для себя требуют определенного порядка, лучше писать новое с промежутком и, как говорят, с красной строки, а воспоминания тоже как-то выделять, я решил – восклицательными знаками:

!!!

Все началось с того мальчика Юры, москвича, который приехал на каникулы с мамой к своей бабушке к нам в украинский районный центр Дымово. Москвич – и от нас, местных, он резко отличался. Было ему лет двенадцать-тринадцать не намного меня старше. Столичный, причёсанный, наискосок шлейка к синим штанишкам, важничал, но вместе с нами бегал. А самым излюбленным местом наших игр было старое запущенное кладбище вокруг «могилы». Так назывался курган, осевший от времени, и все еще возвышающийся над заросшими бурьяном редкими крестами и могильными плитами. Говорили, что там захоронен какой-то важный хан времен татаро-монгольского нашествия. И слава об этой могиле шла нехорошая, будто какие-то колдовские силы от нее исходят, даже хоронить вокруг него перестали, но нам мальчишкам лучшего места для игр не найти, особенно в прятки.

Как сейчас помню. Было лето, мы играли, и мы с этим Юрой залегли на самом верху «могилы», довольные, в зарос-

шем кустарнике нас не найдут. И вдруг этот Юра расстёгивает свои штанишки, сдвигает трусики и показывает на свою «пипирку».

– Смотри!

И я вижу, как она вдруг оживает и становится столбиком.

– А ты можешь?

Я сдергиваю штаны, начинаю тужиться, надуваться, но ничего не происходит.

– Эх ты, импотент! – сказал этот Юра.

Забыл я об этом, но потом значительно позже все чаще вспоминал.

Я был тогда в седьмом классе. Среди ребят ходила подначка, вроде бы хохма такая. Соберутся, и весельчак невзначай произносил:

– Кто дрожит, у того на ладонях волосы вырастают!

И тут обязательно кто-то под общий смех смотрел на ладонь.

В классе учился Костя Худолей. По возрасту значительно старше нас. Так он и был главным онанистом, не считал он это чем-то зазорным. При случае, расслабившись, объяснял затаившим дыхание.

– Главное найти описание, где реально рисуется. В зарубежных романах лучше всего. Сейчас у меня «Госпожа Помпандур и ее поклонники». Смак – обстановка. Я закрываю окно и зажигаю свечку, ставлю ближе на табурет, чтобы можно было читать. Дохожу до момента. Эх!! Это тебе не Дунька

Кулакова!

Но я онанизмом не занимался.

Очень откровенным и простодушным оказался мой сосед справа, как я и догадался, доставленный недавно. Украинец. Почти все здесь украинцы, но говорят по-русски, а он выражается на суржике, смеси русских и украинских слов, которые я для себя перевожу. Мыкола – дальнобойщик, и рейсы его чуть ли не до Иркутска. Попал в больницу, по его мнению, из-за длительного сидения в кабине за рулем. Одно яйцо у него распухло, стало величиной в цветной сине-лиловый шар. В свое время он окончил курсы автомехаников и рассказывает, как выдужает и будет работать в гараже, ремонтировать машины – «Тильки не сидить на яйцах». Его брат, с завистью говорит он, здорово устроился, двое вкалывают, а он принимает заказы.

Только появляется Виктор Петрович, Мыкола сбрасывает одеяло и зовет:

– Доктор! Наче стало меньше. Подывиться!

Тот, что под окном слева, показавшийся мне сильно старым, – Федор, по профессии стекольщик, ему 52 года, угрюмый, малоразговорчивый верующий человек. Крестится с самого утра, потом перед едой, которую нам привозят, молится и шепчет молитвы. У него была операция на предстательной железе. И, видно, неудачная. Это я услышал во время обхода врачей. На тесемке у него бутылочка для оттока

мочи. Светлана ее периодически меняет.

Но самый беспокойный и непредсказуемый – Степан Евдокимович Ходоров, буду писать – просто Ходоров. У него рак, его готовят к операции, но она откладывается. Он полностью зависит от обезболивающих уколов. Светлана по графику его колет, но он все просит, чтобы увеличили дозу. Чаще всего лежит поверх одеяла в самой неестественной позе, подвернув под себя ноги, но когда наркотик начинал свое действие, преображался. Опускал ноги в мягкие кожаные тапки с каким-то витиеватым цветным узором, какими бывают одежды с севера. Его сухое, с резкими морщинами, лицо оживлялось, становилось приветливо-добродушным, но так было не всегда.

Вечером Николай или почувствовал себя лучше – и решил развлечь нас своими рассказами о тяжелой работе дальнобойщика. Он, вольно привалившись к подушке, живо рассказывал:

– Шел по кишиневской трассе без напарника. По сторонам мелькали голосующие. Увидел девушку в косынке в синем платице – «гарненька»! Сдал назад и открыл дверцу. Она живо взобралась!» – «Я расплачусь» – и смотрит с улыбочкой. «Куда едешь?» – спрашиваю. – «До мамы. Студентка. Я ей гостинец везу». – «Лезь наверх!» Она живо, знает, где наши люльки. Я с трассы на первом же повороте съез-

жаю, зажигаю на всякий случай красный и лезу к ней. А она уже платье сняла, в трусиках и смеется. Я к ней, и штаны на ходу стягиваю. Притулился, и тут бац! Не кымарыть! Я туда-сюда! Нема! «Подожди, говорю, укачало!» С кабины выскочил,дохнул свежего воздуха и назад. Результат той же! Снова вниз! Бегаю вокруг, машины, по крышке колес через раз хуем бью. Вернулся. Безрезультатно! Я ей зло кажу: «Вылазь з машины, жды попутку!»

Ходоров поднялся с постели, сделал несколько шагов к Николаю.

– Ты! Жлоб с деревянной мордой, – неожиданно заорал он, – кому ты втюхиваешь свои сраные байки... Думаешь, дружки заплодируют, что тут сидят?! Кого ты тянешь в свою кодлу безмозглых похотливых идиотов!

Он весь трясся и, казалось, вот-вот бросится на Мыколу с кулаками.

– Да я полжизни отдал, чтобы забыть, не видеть и не слышать эту шваль, ленивую, пьяную, вообразившую себя чело-веками! Тьфу, блядь, плюнь и разотри!

Он вернулся, сел на свою кровать и обхватил голову руками и продолжал так же громко причитать, но о чем-то своем.

– Наде только команды... Дай! Принеси! Подай! Ей мне сделать приятное было за счастье. Такой был верный друг!! Она только надумает идти ко мне, а я и уже знаю! И смотрела на меня как на какую-то картину. Успокойся! Нет, не могу! Меня, когда она приближалась, бросало то в жар, то в

холод. И звоны, и трели! Все обиды, все пропадало. Оставалась только она, только Наденька! Как живая! Вот она!

— Евдокимович, — позвал Федор, — не рвы душу. В писании сказано — не мечите бисер перед свиньями! Помолись лучше.

Ходоров вроде очнулся, уставился перед собой.

— Не верю я в бога, Федор, я атеист!

— Атеистов треба вбиваты!

— И то правда, — уже спокойно сказал Ходоров. — Я библию, и старый и новый завет, изучаю как источник мудрости, а далеко не продвинулся.

!!!

Меньше года назад, вечером, 15 октября.

...В актовом зале старого здания Политехнического иногда по субботам проводили вечера с танцами.

Кресла, скамейки раздвигались, на сцене ВИА — вокально-инструментальный ансамбль, а внизу танцующие. Народу собиралось много, и не только наши приходили, но и приглашенные. Кроме того, надо было выставить дежурный патруль, чтобы не пропускать чужих, ломившихся на эти танцы...

Я приходил, но не танцевал, даже не стремился...

Почти в конце зала в передышках собирались группами ребята, на сдвинутых стульях можно было посидеть, и я обычно держался вместе со всеми.

И тут руководитель ВИА торжественно объявляет.

– Белый танец!!

Круг ребят таял, я даже старался сторониться, чтобы не было толкотни. Она шла напрямик, рыжая, рослая, взлохмаченные волосы, очень уверенная, кто-то стоял передо мной, и она его отодвинула. Я тоже сделал движение в сторону, но она тронула меня за плечо.

– Я тебя приглашаю!

– Я плохо танцую.

– Здесь все плохо танцуют!

Она крепко сжимала мою руку. Я поддавался ее движениям. И мне даже показалось, что я сам ее веду, но сбивался. И снова подстраивался.

– Говорил, не танцуешь. У нас получается!

– Не очень!

Она ростом чуть ниже, лицо совсем близко. Она неожиданно сказала:

– Я знаю, как тебя зовут! Изя!

– Откуда знаешь?

– Подружки подсказали, – и она кивнула кому-то в толпу. – А меня Рая!

Танец закончился, и мы еще какое-то время продолжали стоять.

– Давай убежим отсюда! – вдруг сказала она и потянула меня в сторону выхода.

– Куда бежать?

– Отсюда!

– Двери там закрыты! Ребята охраняют!

Я не показал, как мне представлялось, какого-то внешнего удивления, вроде – всё в порядке вещей.

– Ты в самом деле хочешь отсюда уйти?

– Да! С тобой!

– Хорошо, – сказал я.

За год учебы в институте я знал все ходы и выходы. Находились места, где можно было прогулять лекцию, перекурить, между старым и новым корпусом – застекленный переход. Из актового зала через аппаратную можно было выйти к аудиториям, в коридор, а там выход.

– Идем, – сказал я этой Рае.

Под лестницей в противоположной стороне зала и была дверь в аппаратную, и не закрыта!

Я впереди, мы оказались в длинном коридоре старого учебного корпуса. Никого. Тихо. Свет только от окон. Справа двери аудиторий.

Рая подошла к одной из дверей, к другой... Потянула – и она отрылась.

– Хочу посмотреть, – сказала она. – Можно?

Это была обычная учебная аудитория. Преподавательский стол, и в три ряда столики с сидениями на двоих. Светло – за окном город с огнями.

Рая села за один из столиков.

– Просторно! Я уже за парту еле протискиваюсь! – засме-

ялась она. – За этим столиком буду сидеть. Получу золотую медаль – и к вам на химфак без конкурса поступлю.

– Так уверенно, золотую медаль!

– Я круглая отличница. И была победительницей конкурса имени Ломоносова по химии. Так что в коридорах твоего института встретимся!

Она снова засмеялась и вдруг настороженно замерла, словно прислушиваясь.

– А ведь доносится музыка, – сказала она, быстро приблизилась ко мне, – давай потанцуем!

– А что, идем!

Мы закружились в объятиях на узком пространстве между столиками.

– Скажи, удивительно! – прошептала она.

– Удивительно!

Возле преподавательского стола – остановились.

– Я посижу! – И она легко присела на край стола.

Ее мягкие голые коленки касались меня... разгоряченное взволнованное лицо... глаза были совсем рядом. – Ты мне нравишься, – вдруг сказала она, – ты очень мне нравишься!

Ее порыв меня захлестнул, но тут же точно волна схлынула и сменилась подступающей одеревенелостью. – Ты не такой, как все, – тихо произносила она. И эти ее слова были холодно-отрезвляющими.

– Нас еще, гляди, закроют, – сказал я, – не выберемся.

Возле ее дома я с ней попрощался. Очень сдержанно. У

парадного она задержалась, и тут, точно вспомнив что-то, повернулась ко мне.

– Изя, у меня предложение. Скажи, что ты не откажешься! У нас с девчонками есть потаенное место, где мы одни секретничаем. А я тебе покажу! Мы с тобой в институте оказались, а там вообще чудо. Только теплее оденься, а то ты в этой курточке окоченеешь.

– Что ты все время пишешь? – спросил Ходоров, поднялся и подошел ко мне.

– Дневник веду. Виктор Петрович посоветовал.

– Виктор Петрович плохое не подскажет.

– Да, мне интересно, отвлекает.

– Я дневник никогда не вел, – сказал Ходоров, – тут он сжался, прошел к своей койке, сел, замер и уставился перед собой.

– Скажи, ты в Одессе был? – спросил он. – Я там практику на заводе «Красный пролетарий» проходил. На «Приво-зе» в стаканах продавали вареные креветки, розовые, очень вкусные.

– Прилягте, Степан Евдокимович.

Я ему помог лечь, но он снова сел и точно очнулся. – Все знают, что евреи – народ книги, что ты читаешь?

– Редко читаю.

– Скажи, а фантастикой ты увлекаешься? Каких знаешь фантастов? Бредбери, «Туманность Андромеды», Бра-

тья Стругацкие?

– «Место встречи изменить нельзя». Фильм видел.

– Скажи, а Библию ты читал?

– У нас дома была книга «Библия для верующих и неверующих» Я ее читал и даже помню. Дома у нас никто не интересовался. Папа мой умер, когда мне было семь лет. Мама – детский врач. В бога не верует.

– Господи Иисусе Христе, спаси и помилуй!!

– Федор, а у тебя книга есть? – спросил Ходоров.

– От отца. Как зеницу ока храню. Читаю, молюсь, да будет царствие твое, Отведи, Боже, от лукавого!

– Хвалю! Молодец! Да, да! Ее и сейчас трудно приобрести. А в нашем бывшем Союзе за нее в тюрьму! Мудрые наши правители были уверены – человек прочтет хоть строчку из Библии – станет врагом Советской власти. Я на Колыме шесть лет за троцкизм, не в шарашках, не в библиотеках, – мужиком. Ты Солженицына читал? Вот-вот! Шаламову надо верить. У него бога нет! Атеист! Святой человек, не то что Солженицын – вражина, выдавал каторгу в киселе...

– Ворогы людей, – запричитал Федор, – что ни скажут, а бога охают! Если не приносить покаяние Богу, – мало-помалу душа остывает, дьявол начинает борьбу, душа одержима бесами, уходит и не может человек противиться без господа нашего Иисуса Христа!

– Воистину, – сказал Ходоров, – а Библию, что старый завет, что новый, надо читать! Великая загадка. С Виктором

Петровичем поговорить, вот мудрый человек, все понимает. Ты моральный кодекс советского человека знаешь? Украли из Библии. Вся мораль человеческая из Библии. И самое интересное, сказка, многие знают, человека бог создал по своему образу и подобию. Как это, как? Задаются вопросом. А до этого говорится, как за шесть дней построена богом необыкновенная конструкция – Земля, небо, светила, использованы все виды умений и профессий вплоть до оживления человека.! Значит! – То, что совершил Бог, должен уметь делать и человек! Понял, о чем я говорю?

Я киваю.

– Мало этого, если переводы текстов библии правильные. Бог говорит Адаму: если ты хочешь, если ты приложишь усилия, если ты постарайся, то мы вместе. Ты и я сделаем из тебя человека. Наизусть помню!

Ходоров вытягивает шею, поднимает вверх палец.

– По образу и подобию! Такая сказка!!

Я подошел к подъезду ее дома, а она уже меня дожидалась.

– Наконец-то! Я показал часы.

– У меня, значит, спешат!

Она была яркая, праздничная. Красные полусапожки, замшевая светлая куртка, будто специально взбитые взлохмаченные рыжие кудри, за спиной рюкзак.

– Возьми меня за руку. Я себя очень хорошо помню маленькой, нас в детском садике выводили на прогулку парами.

И мне нравился один мальчик. И я кричала: пусть Коля идет со мной! Только Коля! А теперь я кричу: только Изя!

– Давай твой рюкзак.

– Ты даже не спрашиваешь, куда мы идем. У меня с собой фонарик.

– Я тебе доверяю!

– Тогда скажу. Мой папа строитель. Я как-то попала к нему на работу, а он с двумя сотрудниками собрался ехать на объект – решать, восстанавливать или разрушить разбитый с войны дом, я за ними увязалась до самого шестого этажа. Сам увидишь!

Мы вышли в район – Алексеевки – сплошь новостройки, но этот дом высился в стороне – глядели только пустые проемы окон, но внутри среди развалин сохранились и лестницы, и переходы.

Рая уверенно подымалась с этажа на этаж.

Мы оказались на самом верху. Когда-то это была комната, но одна стена была совершенно разрушена, а над головой оставалась только половина потолка – и открывалось небо.

– Подожди! – сказала она.

В углу на кирпичях лежала дверь, я понял – как бы стол, – а за ней такая же дверь для сидения, только обитая остатками дерматина.

Рая из рюкзака достала какую-то ткань, и стала протирать поверхность стола и сидения. А потом накрыла стол каким-то подобием скатерки.

Извлекла термос и два пластмассовых стаканчика, пакеты.

– Кофе и бутерброды, – сказала она. – Какие ты больше любишь – с колбасой или рыбой?

– И те, и другие, – пытался шутить я.

– Вот и хорошо, но мы не будем спешить. Мои подружки тоже свое приносят. У нас есть ритуал. Мы тут бесимся, орем. И я тебе скажу – мы здесь сделали открытие, такого нигде нет. Вот стемнеет, и ты узнаешь!

– Ладно, – сказал я, – подожду!!

– У меня с первого класса четыре подруги. Мы тут поклялись ни одного парня сюда не приглашать. Это наше святое место. А я видишь, предатель. Тебя пригласила!

– Я тронут!

– Ты такой Куся!!

– И что это значит?

– Я папина дочка. Его дома так зовут! У папы точно такие же кудряшки, как у тебя. Скажи, а я тебе нравлюсь? Ты не обратил внимание, какие у меня глаза?! Посмотри, пока не стемнело, – серо-голубые, в сочетании с моими рыжими волосами уникальное явление, присущее только одарённым женщинам!

И засмеялась. Я тоже смеялся, подхваченный ее вроде бы шутливым порывом.

Между тем смеркалось, захода солнца не было видно из-за оставшейся стены, луна тоже оказалась скрытой нависаю-

щим остатком крыши, но потемневшее небо постепенно стало светлеть.

– Поднимаемся, – сказала Рая и вышла из-за стола, – наступает торжественный момент.

Она подошла к самому краю разрушенной стены и, что есть силы, закричала в открытое пространство:

– Дружба, дружба навсегда!

И тут из глубины, будто бы живой отклик, перекаываясь, пророкотало:

– Да! Да! Да! Да!

– Сори, Сори! Никогда!

– Да! Да! Да! Да! Да!

– Эхо! – сказал я.

– Иди крикни!

– Да! – закричал и я.

– А! А! А! – откликнулось.

– Тут, когда мы узнали, как оно отзывается, – как с ума посходили, кричали, кто во что горазд, потом только с утверждением «Да!». «Ася – моя самая близкая подружка, Боже, люби всегда!» И все вместе с эхом подхватывали – Да! Да! Да!!

– Здорово!

– Теперь и кофе можно попить!

– Согласен.

– Тебе не холодно? Ты все-таки плохо оделся!

– Нет!

Все было удивительно! И эта бывшая комната будто оторвалась от земли и словно корабль поплыла навстречу ветру в открытое небо. Меня охватило странное чувство то ли отрешенности, то ли изумления. Может быть, какой-то приступ сентиментальности.

– Ты замерз, – сказала она, – и расстегнула свою куртку. – Иди ближе!

Я придвинулся, положил голову ей на колени и замер!

Почти ежедневно Виктор Петрович в окружении врачей, иногда студентов, приходил с обходом. Все в белых халатах, в белых шапочках останавливались возле каждого.

... Меня пропускал.

– Обследуется!

Нередко вечерами он приходил в палату один. С наброшенным на плечи халатом, он поочередно присаживался на край кровати и вел добродушно успокоительные разговоры. Его ждали, задавали вопросы. Подсел Виктор Петрович к Федору.

– Отрыньте живу душу от Дявола. Обсели бесы Евдокимовыча.

– Вин бога любыть, – по-украински сказал Виктор Петрович. – Як вы зараз себе почуваєте?

– Трохы легше? Подскажите, не поминать имя господа бога всуе!! Диявол тут! Когда в храм божий попаду? Свечи поставить!

– Успокойтесь. Не дадим обидеть. Оно попустит!

– За вас буду молытыся.

Федор поворачивается лицом к стенке и укрывается с головой одеялом.

Подсел Виктор Петрович и ко мне.

– Тебя выпишем, я еще посмотрю кое-какие анализы. Но скажу, ты здоровый парень. С моей точки зрения, абсолютно здоровый. Может, требуется иной инструментарий. Медицина не стоит на месте. Я верю в твои жалобы, они искренни. Другая область, тут и до Фрейда недалеко. Это я про себя.

Но, как я понял, приход его больше всего был связан с Ходоровым. Похоже, они были и раньше знакомы, но обращались друг к другу на «Вы» и по имени-отчеству. Речи вели не только о медицине или болезни, хотя просьба «Увеличьте дозу» не раз повторялось.

– Интересно, Виктор Петрович, – обратился к нему Ходоров, – все намереваюсь спросить, как обстоят дела с диссертацией?

– С другим я бы отшутился, но вам скажу – плохо!

– Не спрашиваю.

– Не мне вам говорить, что такое новизна. У меня авторов по теме перешагнуло за сотню. Даже с использованием чужого опыта можно завершить диссертацию, но свое!? Надо работать.

– Буду на вашей защите.

– Уверен!

– Виктор Петрович, интервал между уколами великоват!! Плохо!

– Оно попустит!

Ходорова при мне дважды увозили на какие-то предварительные процедуры перед операцией. Он возвращался веселый, подвижный, еще больше разговорчивый.

В тот вечер в палату пришел Виктор Петрович. Присел к Ходорову.

– Еще повременим с операцией, – сказал он. – Есть кое-какие положительные изменения.

– Спасибо! Обнадёживающие слова, – кивает Ходоров и совершенно другим тоном, вроде с обидой произносит: – Виктор Петрович, у меня появляется мнение, что вы и окружающие воспринимают мою велеречивость как попытку отодвинуть страх смерти. Нет! Я смерти не боюсь. Более того, у меня возникают, как и в былые годы, интересные конструкции, вполне реализуемые. Очень заинтересовала библия.

– Только мое уважение, Степан Евдокимович. Есть один чисто украинский мудрый посыл, и вы его, вероятно, знаете – маешь перты плуга! Перевести? Уточняю, без скидок на возраст!

!!!

Как я выглядел в глазах Раи? Не могу себе объяснить, почему я так поступил? Это меня преследует до отчаяния все время, и я не могу ответить себе на этот вопрос.

В нашем городе главная улица тогда называлась улицей Ленина, От площади до парка запрещен проезд транспорта, по обе стороны улицы – витрины магазинов, есть два ресторана, гостиница, киоски по продаже воды, мороженого и газет. В субботние и воскресные дни многолюдье. Эту улицу именуют «Наш Бродвей». Широкий тротуар, просторная заасфальтированная дорога и сплошным, почти не смешивающимся, потоком движутся люди навстречу друг другу. Я двигался по тротуару, помню это место, в толпе я увидел рыжую знакомую голову – мы встретились взглядами, она рванулась ко мне, а я отвел глаза, вроде не узнал, и безразлично пошел дальше в потоке. Косым взглядом видел, как она отдалялась. Больше Раю я не видел. Вот, как говорится. Скребут кошки на душе...

.....

Пришла Светлана, но укол Ходорову Виктор Петрович делать не разрешил.

– С вас достаточно! – сказал он Ходорову. – Вам сегодня ввели новый препарат, он и обезболивающий, По вашему поведению наблюдаю, вы себя бодро чувствуете.

– Вроде лучше, чем обычно. Послушайте мои фантазии.

– Вот и хорошо. Я с вами еще побуду. Препарат новый! Я весь внимание, – сказал Виктор Петрович, снял шапочку и провел ладонью по своим коротким ежиком волосам. – В какой области ваши наработки?

Был уже вечер, под потолком зажглась электрическая лампочка. Доктор придвинул стул к кровати Ходорова.

– Виктор Петрович, – говорил Ходоров, – вы не представляете, как я благодарен вам за внимание, и посмейтесь, если мои фантазии и мое невежество вас покоробят.

– Буду смеяться!

– Могу ли я, инженер-механик, представить данные Библии для создания своего представления о нашем мире? Я не Бредбери, не братья Стругацкие, но имею я право фантазировать!?

– Безусловно!

Ходоров опускает ноги в свои тапки и садится напротив Виктора Петровича.

– Как бы начинался мой рассказ? В просторах вселенной есть некое невидимое чудо, состоящее из волн, атомов, корпускулов и еще неизвестно из чего. Мало того, что оно мыслит, всё, что ни задумает, вмиг обретает материальные формы. Люди – это создание, понятно, видеть не могли, но некоторые интуитивно сумели почувствовать. Давали разные названия. Но мы остановимся на самом распространенном – БОГ! И вот Бог неизвестно по каким причинам решает поселить в космосе некое живое существо, которое назвали потом «человек». Виктор Петрович! Вы не устали слушать?

– Пока нет!

– Видите. Пока я следую Библии! За шесть дней Бог создает все условия для обитания человека, даже придает ему

женщину...

!!!

Меня позвали по телефону к ограде. Стояли мама и наш сосед по двору Лев Абрамович. Он протягивал руки через решетку, и его полное лицо расплывалось в радостном приветствии. Лев Абрамович – пенсионер, в далеком прошлом был оперным певцом, каждый день поутру на весь двор он прочищал горло отрывками из опер: «Онегин, я скрывать не стану...» или «О дайте, дайте мне свободу!» Со мной он, бывало, играл в шахматы, и всегда выигрывал.

– Изенька, – сказала мама, – Лев Абрамович уезжает в Израиль. И пришел с тобой попрощаться.

– Да, Изя, мы с Софочкой едем. На руках билеты и все документы. Туда звоним друзьям, чтобы встречали, а здесь прощаемся, чтобы помнили! Нам друзья помогли с квартирой, и мы постараемся к вашему приезду все для вас сделать. Я пришел с тобой попрощаться, но ты о себе подумай и повлияй на маму.

– Счастливой дороги! – сказал я.

– Лев Абрамович, я уже вам говорила. Изя должен окончить институт, у меня работа. Я еще хорошо заработаю. А кто уезжает – скатертью дорога.

– Лидия Петровна, одна корзина абсорбции все ваши заработки перекроет. И вы же по всем данным пенсионерка. О чем можно спорить. Изя там продолжит учебу!!

... – Но, как оказалось – Ходоров продолжал, – не для одного человека создал Бог свою величественную конструкцию, не для двоих, даже с их детьми, Размах более величественный – люди! Много людей! Однако вся конструкция, созданная Богом, статична, нет в ней динамики, и, самое главное, она не приспособлена существовать автономно, она обречена умереть! Думаю, что в этот миг даже Бог задумался.

Надо было найти такой двигатель, который заставит эту конструкцию ожить и заработать. Она должна быть, само производящей с возможностью автономного существования. И Бог находит! И торжественно произносит: «Плодитесь и размножайтесь!» Обратите внимание, Виктор Петрович, Вы знаете Библию, получше меня. Как объяснить бесконечное количество имен новорождённых до потопа и после. Кто их регистрировал, как они сохранились?! И однажды я посмотрел на свою ладонь, на неповторимые линии дактилоскопии... а индивидуальные ДНК! Может, и мы на учете!? И за нами наблюдают?

Ходоров с улыбкой поднимается, становится напротив доктора и поднимает вверх палец.

– То, о чем я буду сейчас говорить, отсутствует в Библии. И вы как врач отвергнете! Говорю как инженер! Когда Бог произнес великую мудрость – плодитесь и размножайтесь, он этот призыв не расшифровал. Одно дело назвать явление,

другое – как вызвать к нему интерес и сделать так, чтобы размножение стало неотразимо привлекательным? Это, конечно, против науки, но извините – изобретатель в строю.

Ходоров преображается, возвышает голос и с каким-то напором произносит:

– Я уверен, что у каждого из нас в нейронах мозга существует участок, связанный со всем телом и особенно с нижней его частью. Он вроде невидимого датчика принимающего информацию со шкалой напряжения... Да, да! – почти кричит Ходоров. – Йоги называют это третий глаз. Может, включается весь мозг, а датчик действует избирательно! Главное, он излучает поток энергии! Как прожектор, у каждого человека невидимый луч ощупывает все перед собой. И тут на пути встречается луч другого индивидуума! Это интересно! И все может произойти... луч может скользнуть и искать дальше, а может и остановиться. Произойдет обмен информацией – может сойтись и разойтись. На датчике небольшое отклонение! – Назовем это секс! Но, когда эти прожектора сливаются в одно, может – и расходятся, но возвращаются друг к другу вновь и вновь, происходят удивительные явления! Исчезают все чувства, кроме одного, клинящего датчик! Совладать невозможно! Наиболее убедительно говорил байдарочник. Один среди бурлящей в камнях воды, в грохоте приближается неведомый водопад, и в отчаянной надежде ты летишь в пропасть! Бог позаботился – безграничное всепоглощающее блаженство, кто только не пытал-

ся его объяснить, – стихами, музыкой, романами! Испытав однажды, ошеломленный человек будет искать его вновь и вновь. Назвали – любовью.

Ходоров в распахнутом халате, весь взъерошенный, повышая голос, то приближаясь, то отходя к Виктору Петровичу, многозначительно произносит:

– А что если это божья приманка, чтобы не исчезла жизнь на Земле!? Любовь творит жизнь!

– Да! – говорит Виктор Петрович. – Я вижу, операция пройдет успешно!!

22 августа 1997 год

Я в своей привычной куртке, с пакетом под мышкой шел к выходу из больницы. На боковой дорожке аллеи появилась Светлана. Я приостановился, дожидаясь ее, чтобы попрощаться.

– Покидаешь, красавчик? – сказала она и протянула руку. Я пожал и почувствовал что-то в своей ладони. Она улыбалась, но руку не отпускала.

– Я буду ждать. Не опаздывай!

Только на автобусной остановке, я прочел записку: «В 10 часов сегодня я буду ждать тебя дома. Мой адрес ул. Волкова 23, первый подъезд, квартира 12. Я тебя встречу. Светик».

Предложение оказалось настолько неожиданным, что повергло меня в состояние оглушения. Света привлекательна,

и я на нее заглядывался!? Может, мое лежание в больнице этим завершится!?

Смять эту бумажку с адресом и выбросить!!!

До вечера я шатался по дому – идти – не идти!?

В конце же концов я должен проявить решительность, это тот случай!!!

В начале десятого джинсы я поменял на брюки, вместо ботинок со шнуровкой надел свои остроносые выходные туфли. Из всей старой одежды оставил только куртку.

Район улицы Волкова я знал. Это был дальний край города – Лелековка. Туда ходил автобус, и я там бывал. Приехал, еще походил по улице и пошел к двадцать третьему дому. Улица пустынна, уже темно... Редкие фонари. Я все смотрел на часы, чтобы быть пунктуальным. У подъезда стояла высокая фигура в наброшенном платке.

– Я рада, что ты пришел, – скороговоркой произносила она и открыла двери. – Мой летает, какие-то дальние районы. Сам такую профессию себе выбрал!

Квартира, похоже – однокомнатная, и слева расстеленная белая кровать, возле кровати коляска.

– Если Натка проснется, я подкачаю, – объяснила она.

Возле кровати стоял низкий столик, в подсвечнике на подставке горела свеча. Рядом в тарелке – цветные конфеты, чайник и чашки, и совсем рядом – бутылка и две рюмки.

– Раздевайся. – И она помогала мне раздеться. Сбросила свой халат и торопливо оказалась в постели.

– Иди, – приподымаясь, сказала она.

Я лег, она прижалась ко мне и замерла на какое-то время.

– Подожди, – сказала она, – давай выпьем! Я сел, и мы выпили.

То, что было потом, – вспоминать не хочется. Она была активна, очень активна.

Случилось то, чего я боялся, и вообще этот сыр-бор, в котором я раньше пребывал, не давал просвета.

Некоторое время она лежала молча. И тут глянула на часы, висящие на стене, и как бы вдруг опомнилась.

– Я, похоже, ошиблась, – озабочено сказала она, – со временем вечно нелады, неужели Вадик может появиться!? Этого еще не хватало! Решаем быстрее!

Я торопливо оделся.

– Ты не обижайся, если что! – сказала она и закрыла за мной дверь.

Темная ночь. Те же Фонари. Одно звездное небо. Автобусы давно не ходят. Да, такое было, вспоминать не хочется. Печально!

29 августа 1998 г.

Больше года не открывал тетрадь – я в Израиле! И не удивительно, что меня вдруг потянуло снова вести эти записи. С моей настоящей родины я вдруг переместился в историческую! Буду откровенен: очень резкий переход! Кроме того, когда я раньше записывал, то вроде погружался в другой

мир! Да, отвлекался! Да, надеялся! Может, это был мир иллюзий или поиск оправдания? По крайней мере, как сказал когда-то Виктор Петрович, лучшая форма медитации! Кстати, перед отъездом я узнал, что Степан Евдокимович Ходоров жив и даже появлялся в конструкторском бюро на работе в «Гидросиле».

Та проблема, которую я считал в свое время главной, отодринулась, мне так кажется, что самые серьезные события наступают именно сейчас, Чего стоил отъезд в Израиль!

!!!

Мы уезжать не собирались. Мрачные годы! Наши знакомые прямо на улице торговали своими пожитками. Маму уволили с работы – клинику закрыли. Еще хорошо, что успели продать квартиру. И самое мрачное: два зачета, неразбежила, я не пришел, и этот декан из старых советских, уперся рогом. Да. Я виноват! Отчислен за неуспеваемость! Зачетка – более или менее убедительная, справка на клочке бумаги – окончил два курса Крайского политехнического института.

И это была последняя капля!

С документами возилась мама, вела переписку с Львом Абрамовичем, прощалась со многими друзьями и приятелями. Я об отъезде меньше всего распространялся. Правда, встретил своего одноклассника, работал в молодежной газете, я ему рассказал, что уезжаю в Израиль. И он мне выдал – «Я считаю это гнусным предательством», а оказался в Из-

раиле раньше меня.

Скажу – Израиль меня поразил! И открывшаяся сама собой передо мной стеклянная дверь в супермаркете, и обилие продуктов, лавочки с фалафелем или швармой. А невиданные ранее пальмы с гроздьями фиников! И куда ни глянешь, все в зелени, в цветах, – восторг и удивление!

Лев Абрамович действительно нам во всем помог.

Встретил в аэропорту, мы у них жили, пока не нашли на съем квартиру.

Меня вызвали повесткой в израильский военкомат.

Офицер на русском языке сказал:

– По возрасту ты освобожден от призыва, но если ты хочешь быть в армии Израиля, мы с удовольствием тебя приглашаем.

Я отказался.

– У меня мама, и ей нужна помощь.

Мы с мамой, с Львом Абрамовичем многое обговорили, мне надо продолжить учебу или попасть на какие-то курсы, здесь их, оказывается, много, но, главное – изучать язык, знать иврит, иначе все пути практически закрыты, идти в ульпан! Так здесь называются первоначальные заведения по изучению иврита.

С оформлением документов все было не так просто, этим занималась мама. С утра она надевала свое лучшее платье, перед зеркалом примеряла свою шляпку, и, несмотря на свои

годы, выглядела стройной и моложавой. «Очень милы!» – комплимент Льва Абрамовича.

С мамой оформлять документы приходилось и мне. Правда, моя справка за два курса института мало кого интересовала. Самое главное, на руках у меня был теудат зеут – паспорт, а направление в ульпан мне дали сразу по приезде в Израиль.

За несколько кварталов от дома, где мы сняли двухкомнатную квартиру, находился матнас (дом культуры) Бейт Воск – целый комплекс: библиотека, разные кружки и класс, где проходили занятия по изучению иврита. Я все это узнал и утром пришел на занятия.

Вхожу, сидят уже несколько человек. Хочу сесть за свободный столик и слышу какой-то визгливый возглас. Потом узнал, вроде староста наша израильтянка, но слабо говорит по-русски.

– Здесь занято, французы сидят, Хочу сесть на второй ряд.

– Здесь – аргентинцы.

– За этим – американцы.

Наконец раздается мужской баритон:

– Иди сюда, здесь русские!

Так я оказалась на последней парте.

На занятия я приходил регулярно, но, оказалось, что группа уже занималась три месяца, и многие преуспели. Я пока ничего не соображал.

Парень из России, с которым я оказался рядом, мне посоветовал найти группу с начальным курсом. Я навел справки, оказалось, что здесь же в ульпане, где-то через месяц будет набор. Я обратился к куратору, и он пообещал записать меня в новую группу первым. И я решил подождать. Тем более мне сказали: «Не волнуйтесь! Вас пригласят!»

Лев Абрамович задержку не одобрил.

– Готовься пока самостоятельно!

Он в Израиле совершенно освоился. Здесь, оказывается, есть самые разные объединения, где репатриантам, особенно пожилым, можно общаться и с интересом проводить время. Возможностей тьма – спортивные группы, какие-то религиозные содружества, семинары и кружки по интересам.

Лев Абрамович вступил в географическое общество.

Кроме обычных лекций, организовывались экскурсии с опытными экскурсоводами. Лев Абрамович меня брал с собой. Надо сказать, что эти поездки были невероятно интересными и очень расширили мои познания об Израиле.

Я ничего не записывал. Однако некоторые экскурсии были настолько впечатляющими, что я доставал свою тетрадь.

Как провозглашал один из экскурсоводов «В Израиле каждый камушек – история!»

В одном из разрушенных каменоломен я увидел кусок пола с живой мозаикой, ну как будто только что выложено!

И сразу рисуется пиршество во дворце, ожившие мраморные лица. Может по этой цветной мозаике ступала нога Юлия Цезаря!?

Но самые главные экскурсии – «Иерусалим – колыбель трех религий». Трижды автобусом возили нас в эти исторические места, но, похоже, и близко не раскрыли всего того, что здесь происходило. Особенно поразила поездка «Подземный Иерусалим».

Мы приблизились к приземистому зданию, нам объясняли, где начало пути. Собирались люди. Из нашей группы решились пройти по туннелю несколько человек. Лев Абрамович отказался, а я встал в очередь.

То, что Иерусалим – место невероятных событий – было понятно, но оказывается – под живым современным городом находился рукотворный подземный лабиринт туннелей, высеченных залов, запутанных переходов. Тут и копи царя Соломона и спасающий город водовод, а главное – где-то здесь запрятаны таинственные сокровища всего Востока, и все эти изрезанные переходы – следы поиска сказочных богатств.

Иду в очереди, жаркий воздух постепенно сменяет прохлады, и сужается понемногу пространство. Впереди спина человека, за тобой, почти вплотную, напирает другой, появляется вода, и по камням вначале можно ее переступить, но воды все больше и холодно хлупает она по ногам, покрывая обувь. Наклоняется впереди идущий, и ты горбишься вслед за ним – каменный лаз становится все теснее, и тут тебя на-

чинают обступать нешуточные мысли. А вдруг этому человеку станет плохо и он упадет, может – и ты тут задохнешься, в самом деле становится трудно дышать, а сзади тебя толкают и покрикивают – этот путь прошли тысячи людей, неужели им тоже становилось страшно в этой каменной могиле? Где это синее небо и жаркое солнце, где эта зелень!? Так мало знаешь, и не узнаешь больше! Но шире становится шаг, расступаются своды, и брезжит свет – выход в конце тоннеля!

Я могу проклинать и ругать себя семами последними словами, но ничего не изменишь. Я не могу вспомнить случай, чтобы я откликнулся на ее просьбы! Еще долго я буду упрекать себя! Только Изенька, только Изенька! Может, в последнее время что-то чуть поменялось. Но это мрачные оправдания!..

Я уже посещал улыпан и знал буквы алфавита. Однажды вернулся домой с занятий, но мамы не застал. Обычно она всегда ждала меня в это время с обедом. Я ждал еще, может, час, вышел на улицу и на углу дома увидел ее. Она обрадовалась.

– Ты понимаешь, я спутала дома!

– Два шага от магазина и спутала дома!? Смотри на них лучше!

Ничего я не понял, а это был первый сигнал.

В следующий раз я застал ее в скверике. Она сидела на скамейке с мужчиной и, жестикулируя, что-то ему объясня-

ла.

Я подошел, а мужчина спросил меня, кем я ей довожусь.

– Она у вас как радио!

Всего лишь несколько недель – и самое худшее стало понятно.

Она купалась под душем, я был чем-то занят в другой комнате. Окликнул ее – ответа не последовало. Я к душевой... Дверь открыта, но мамы не было, на лестничной площадке тоже, я вниз на улицу, народу много.

Ко мне подошёл какой-то человек и сказал по-русски:

– Тут миштара забрала голую женщину. Я остановил такси и сказал: «Миштара».

Под каким-то стеклянным барьером мама сидела на низкой скамейке, на нее была наброшена какая-то ветошь.

– Изенька, почему я здесь?

Мне вначале казалось, что я раньше что-то не досмотрел, но мрачное слово «Альцгеймер», как камень, нависло, и то, чего я не знал, стало тяжелой повседневностью. Лев Абрамович меня навещал.

– Никто не знает, как бороться. Есть бейт авоты. Там врачи!

– Нет!

Я ее дважды клал в больницу, но там долго не держали; три-четыре дня. Домашний врач – доктор Виктор – регулярно появлялся, ей выделили метапелет (женщину по уходу на

дому за больным). Анна Петровна, очень заботливая, услужливая женщина, готовила нам, ходила за покупками, стирала белье.

Я каждый день водил маму в скверик на прогулку, и, казалось, не было ухудшений. Но вдруг она перестала подниматься с кровати и отказалась ходить. Добавили ей еще одного метапеля Володю, медбрата, все знающего, но физически слабого. Маму надо было купать, поднимать, переворачивать. Появились пролежни – все делалось только с моей помощью. Уж какой тут улыпан!

!!!

И тут еще эта грязная история! Мне надо было отдать деньги за квартиру. Я приготовил две тысячи шекелей, положил пачку в ящик стола до прихода хозяина. Ящик задвинул неаккуратно, так, что деньги были видны. Через какое-то время собрался деньги отдать, открыл до конца ящик, но денег не было. Я всполошился. В квартире за это время были метапель и метапелет, приходил Лев Абрамович, приходил сосед по квартире и врач. Полицию вызвал Лев Абрамович. Надо сказать, буквально в течение часа появились два человека. Полицейский в форме майора поздоровался, снял фуражку и провел рукой по совершенно голой бритой голове, странное сочетание – густые черные брови и голый череп – производили впечатление чего-то очень грозного. Фуражку он снова надел и на плохом русском спросил:

– Кто пострадавший!?

Переводчиком был Лев Абрамович.

Другой полицейский – видимо, следователь, в гражданской одежде, с белым алюминиевым чемоданчиком. Он осмотрел комнату, ему не понравилось открытое окно, почти на уровне подоконника начиналась крыша следующего дома; вполне можно было проникнуть. Он открыл чемоданчик, долго возился, сыпал порошок, искал следы и заявил, что проникновения, судя по всему, не было, однако следы могли убрать.

Полицейский писал протокол.

– Кто был в комнате? – спросил он. Врач, Лев Абрамович отпали.

Сосед, оказывается, дальше прихожей не заходил. Оставались метапели.

Володя сказал:

– Я деньги в столе видел, но их не трогал. Марья Петровна запричитала:

– Ой, горе какое! Так хороших людей обидеть. Я денег даже не видела!

– Кого вы подозреваете? – спросил меня бровастый полицейский.

Я молчал. Как сказать, что человек – вор!?»

– Вы называйте любого, – переводил Лев Абрамович, – мы в отделении разберемся.

– Не могу указать на человека, что он вор!

- Это ни к чему не обязывает.
- Не зная, не могу обвинять!
- Назови! – сказал Лев Абрамович.
- Нет!

Полицейский внимательно посмотрел на меня, еще раз повторил вопрос, потом подвинул мне бумагу:

- Подпиши!

12 января 2003 г. Мрачный, мрачный Новый год!

Маме становилось все хуже, снова больница, снова предложение положить ее в Бейт авот. И мой отказ.

Я часами сидел возле нее, держал ее руку, и так мне было тяжело... Ее любовь ко мне была безмерна. Всплывали картины далекого детства, которые я бы никогда раньше не мог бы и вспомнить... Я нахожусь в кровати, папа с мамой в кровати рядом и почему-то я плачу и кричу:

- Я падаю, мне страшно!! Папа мой говорит:
- Держись за кровать! Мама набрасывается:
- Что ты пугаешь ребенка! У тебя сердца нет! И забирает меня к себе!

.....

Она перестала меня узнавать. Смотрела куда-то вверх и повторяла;

- Что со мной будет!

Коахадам – так именуются офисы по трудоустройству.

Русскоязычный усатый пожилой человек сидел за письменным столом. Была небольшая очередь – в основном, темнокожих ребят, я переждал.

– Владеешь ивритом? – спросил он, пересматривая бумаги, которые я показал.

– Нет.

– Плохо.

– Какими профессиями владеешь?

– Два курса политехнического института.

– Есть интересные курсы, – сказал он, – но требуется знания языка, есть другие. Но с оплатой. Посмотри.

Он мне дал развернутый красочный буклет, я просмотрел.

– Все это я знаю! – сказал я. – Пока надо работу.

– Мда! – сказал он. – Хорошо, есть одна заявка в столярную мастерскую, минимум квалификации, берег для своих. Старайся! А проспект возьми. Пригодится.

Так я оказался в столярной мастерской. Встретил меня хозяин, похоже, местный, в рабочей одежде, в стружках. Сразу от станка. В мастерской работали еще два молодых человека. Один говорил по-русски. Обнял меня, предложил рабочий комбинезон. Я переоделся.

Мастерская изготавливала из деревоплиты навесные шкафы для кухонь, столики, всё, что заказывали. Я поначалу убирал отходы, сгружал плиты, подметал пол. Пробовал работать на станках. На третий день хозяин взял кусок плиты,

без линейки карандашом провел закругленную линию, подозвал русскоговорящего Бориса, я успел с ним подружиться, что-то объяснил, а Борис перевел мне.

На циркулярке по линии разрежь плиту. Я все приготовил и вроде точно отрезал.

Борис перевел:

– Хозяин велел сказать, что ты уволен, оплатит за два дня! Надо было искать работу.

Возле шука – это на иврите «базар» – открытая площадка, вокруг несколько ларьков, и тут же коохаим – представители от разных фирм, предлагающие работу.

Молодой человек, опрятно одетый, говорит по-русски, я еще не приблизился, а он меня окликнул, пригласил присесть, кресло мягкое, с подлокотниками.

– Да! Ищу работу, – сказал я.

– Слышал фирму «Мандарин»? Я ее представляю. Если у тебя все пойдет, ты сможешь оказаться на моем месте. У нас рост охуительный! Кибуц «Мандарин». От города шесть километров. Напрямую! Доставка в обе стороны регулярная. Есть кормежка, учти! Мандариновая роща, производство тут же. Все механизировано и автоматизировано. От мандарина до бутылки на прилавках. Обрати внимание на этикетку. Это наша эмблема.

Он достал бутылку, показал, открыл и налил желтое содержимое в пластмассовый стаканчик.

– Выпей! Лучший освежающий напиток, тобою изготовленный!! И с песней! Третья смена – двойная зарплата, так что шансов на выбор! Первое время только банковский счет и номер теудат зеута. Все условия!

Его курносое лицо выражало неподдельную доброжелательность.

– Где сбор? – спросил я.

– Тахана мерказит – автостанция, семь утра. Будет адрес – подъедут к дому.

Машина типа маршрутки, но большая, собралось человек пятнадцать, в основном чернокожие. Дорога в самом деле прямая. Близкая.

Встретил нас высокий худой человек, быстро говорил на иврите. Через руку перекинута желтая курточка, как я потом понял, безрукавка с меткой фирмы. Подошел ко мне, потрогал руку.

– Бицепс! – сказал он. – Надевай! Черепаха! Я начальник! Днем гуляешь, смотришь, кушаешь, спишь! В восемь – смена!

Завод действительно – сложное сооружение. Много движущихся трансмиссий, но особенно впечатлял желоб, где в текущей воде мылись апельсины, – прямо выющаяся золотая дорога.

Я разобрался с системой – к конвейеру подъезжал бульдозер, у которого вместо ножа что-то похожее на объёмную

корзину из арматурных прутьев, и загружены пустые бочки. Человек доставал одну и переносил на конвейер, чуть дальше другой вставлял в бочку целлофановый сверток, и тут же включал компрессор, воздух под давлением выстилал внутри целлофан, а потом в эти стерильные бочки заливался сок.

Все было, как сказано, – неплохая столовая, я поел, отдельно комната для отдыха, я повалялся. Так до восьми часов вечера.

Меня нашел тот самый начальник, который нас встретил, позвал за собой и довел до конвейера, на который сгружались бочки.

Подъехал бульдозер.

– Смотри, Черепаха! – сказал он.

В один миг выбрал из сетки бочку, сделал несколько шагов и поставил ее на движущийся конвейер.

– Всё!

Он еще постоял немного, наблюдая, как я это делаю, и ушел.

Вначале все было просто, но бульдозер все подвозил и подвозил бочки. Хорошо еще, что были разрывы в подвозках. Каждая бочка, оказывается, весила не меньше двадцати килограммов, и я стал смотреть на часы. Все-таки физически я крепок, если справлялся с такой нагрузкой! В одном из перерывов ко мне подошел пожилой рабочий. Назвал себя.

– Втянешься, – сказал он, – в два придет смена.

Но я был на пределе, в конце смены разгруженный бульдозер уехал, а я, сидя на полу, привалился к стенке. Ехал очередной бульдозер, и тут появился начальник. – Заболел твой смена, разгрузишь и гуляй! Может быть, если бы не так нагло приказывал!

Я молча снял курточку, повесил на клетку с бочками. И ни слова не говоря, пошел на выход. Что-то мне начальник кричал вдогонку, но я не оборачивался.

Домой я с передышками пришел только к утру. Можно было о многом передумать, но одна мысль больше всего вертелась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.